

Пандемия и общественно-политический раскол

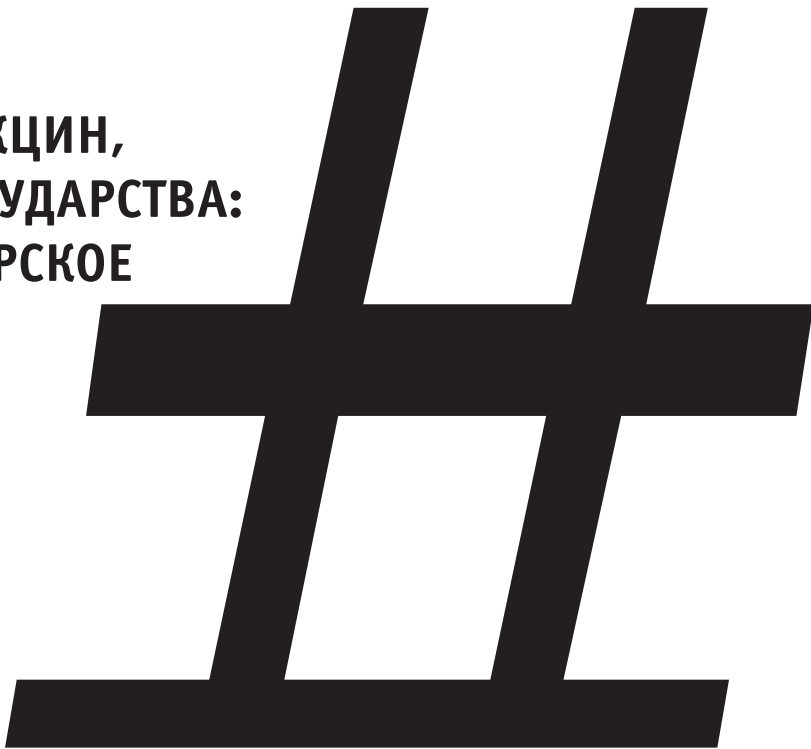

Николай Митрохин (р. 1972) – историк, социолог религии и публицист. Научный сотрудник Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Германия).

В середине января 2022 года в одном из областных центров правобережной Украины я встречался с местным оппозиционером-антимайдановцем. В качестве места для интервью он предложил кафе в самом центре города, представив его так: «Это настоящее бандитское кафе. Там на QR-коды не смотрят. Мне это важно». Кафе действительно оказалось «бандитским» – не только по сомнительному контингенту посетителей, но и по эстетике и ассортименту заведения, казалось бы, навсегда оставшихся в 1995-м. При этом ни в одном из трех других заведений общественного питания города, в которых мне довелось столоваться – куда более модных и современных, – QR-коды (вопреки закону) тоже не проверялись. Но упомянутый выше собеседник (местный историк) об этом не только не знал, но, похоже, гордился принадлежностью к избранному обществу «бандитов»: «со мной тут не тронут».

Происходящее в последние два с лишним года вокруг COVID-19, развитие оппозиционных или альтернативных официальному и медийному мейнстриму мнений (и действий) будет изучаться, описываться и анализироваться еще много лет. Предлагаемый вашему вниманию блок статей – одна из первых попыток такого рода. Она, возможно, не только и не столько аналитическая, сколько *фиксирующая* материал быстро происходящих изменений настроений общества. Глубокое проникновение в матери-

**ПРОТИВ ВАКЦИН,
ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА:
АНТИВАКСЕРСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В ЕВРОПЕ**

ал сегодня невозможно и потому, что пандемия как событие еще не завершилась, а стало быть, люди, выступающие против большинства и официальной линии, не склонны особенно распространять информацию о себе и своей деятельности.

Вместе с тем очевидно, что скептическое отношение к угрозе начала полномасштабной пандемии (условный *коронаскептицизм*), характерный для первой половины 2020 года, последовавшая за ним критика властей, которые принимали строгие дисциплинарные антиковидные меры (условно *ковидскептицизм*, с середины 2020-го), и отрицание необходимости вакцинации (*антиваксерство*, с начала 2021-го) – три разных явления, а не одно. Несмотря на то, что, по всей видимости, основное ядро противников антипандемийных мер прошло все три этапа отрицания, многие нынешние противники вакцинации – или же, к примеру, критики властей за чрезвычайно (по их мнению) жесткие или непоследовательные меры – не разделяют всего комплекса отрицания опасности ситуации.

Сложность и многослойность того, что в современной публицистике понимается под антиваксерским движением, обсуждается в материалах блока. В следующих абзацах я – как инициатор и составитель подборки – позволю себе выразить ряд соображений, которые пришли мне в голову в ходе наблюдений (и отчасти – в процессе полевых исследований в рамках моего проекта по изучению постсоветской религиозности) за событиями 2020–2022 годов. Причиной интереса автора к данной теме послужило то, что, несмотря на явную и очевидную опасность пандемии с самого момента ее начала, несколько групп френдов автора в социальных сетях, представляющие совершенно разные и в других вопросах ни в чем не пересекающиеся страты (например либертарианцы-западники и весьма консервативные православные), заняли скептическую позицию, а потом начали яростную пропаганду против антипандемийных мер. Аналогичным образом целый ряд родственников автора, с которыми существовал (казалось бы) консенсус по медицинским вопросам, заняли четкую антиваксерскую позицию (которая, впрочем, впоследствии была частично пересмотрена). Кроме того, автору, занимающемуся академическими исследованиями постсоветского православия, в 2020 году пришлось комментировать многочисленные обвинения в адрес православных в пособничестве распространению коронавируса.

НЕВЫГОДНО ДЛЯ МЕНЯ ЛИЧНО ИЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТЫ, С КОТОРОЙ Я СВЯЗАН

Наиболее очевидный и нередко напрямую проговариваемый мотив отрицания пандемии связан с тем ущербом, который ее

НИКОЛАЙ МИТРОХИН

ПАНДЕМИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

признание и следование мерам по борьбе с ней может причинить акторам. Нарушение хода обычной жизни само по себе является сильным фактором – и тут прежде всего вызывала протесты необходимость носить маски. Однако для многих групп антипандемийные меры затрагивают их прямые интересы. Например, значительная часть мелкого бизнеса, равно как и многие культурные, спортивные или религиозные организации, заинтересованы в постоянном притоке людей, их относительно тесном контакте с персоналом/сотрудниками/служителями и как можно более продолжительном пребывании в помещении. Именно оборот посетителей обеспечивал для них доходность, прямую или символическую.

Для преодоления моральной ответственности, налагаемой обществом, отрицание важности антипандемийных мер имеет существенное значение.

Для людей младше сорока лет пандемия, особенно в первые полтора года (до появления омикрон-штамма), не несла существенных личных рисков (исключая тех, у кого были определенные заболевания), поэтому для них было вполне естественным игнорировать ограничения, пусть из-за этого могли пострадать старшие поколения их семей. Для соблюдения ограничений нужно иметь либо эмпатию к возможным жертвам, либо подчиняться государственному принуждению. Для преодоления моральной ответственности, налагаемой обществом, отрицание важности антипандемийных мер имеет существенное значение.

Однако здесь возникает вопрос: почему среди «отрицателей» много людей немолодых и не связанных с мелким бизнесом или получением доходов от культурной, спортивной или религиозной деятельности?

НЕДОВЕРИЕ К «ДИВНОМУ НОВОМУ МИРУ», ВЛАСТИ, ПРЕССЕ – И НОВЫЕ ПЛОЩАДКИ

Вторая половина 2010-х стала временем быстрых изменений в сфере социальных норм. Группа социальных движений от *MeToo* до *Black Lives Matter* оказала влияние на формирование и внедрение «новой этики» и нового языка описания – воспринятого и активно пропагандируемого мейнстримными медиа западного мира и основной частью политической элиты. На уровне крупных компаний и системы образования эти стандарты активно внедрялись в повседневные практики работы и учебы. Однако для значительной части общества подобные из-

менения не были желательны и приемлемы или просто казались слишком быстрыми. А вот активное навязывание нового языка и норм со стороны мейнстрима казалось не просто подозрительным, но и вызывало недоверие к этим институтам, а также силам, стоящим за ними. Противодействие выразилось как в формах поддержки политиков, противостоящих «дивному новому миру», так и во внимании к тем авторам и медиа, которые могли бы объяснить происходящее в том ключе, в котором события виделись скептикам. Это привело к новой волне интереса к конспирологическим идеям и информационным площадкам, на которых они развивались.

Особенно это касалось старшего поколения, которому предлагалось отказаться от языка, которым они привыкли разговаривать, многих тем, на которые они привыкли шутить, некоторых бытовых привычек (и даже пищи), – и воспринять лексику и идеологические установки, существовавшие доселе либо среди активистов, либо в университетской среде. Очевиден стал конфликт как между разными поколениями (бумеры против зумеров), так и между социальными стратами – людей с университетским образованием (но порой без постоянной работы) и людей без такового, но, как правило, занятых не самым высокооплачиваемым трудом.

Именно на этом фоне мейнстримные политические и медиазлиты попытались убедить все население в опасности нового вируса. Они настаивали на необходимости прежде всего самоограничения, но также подчинения вводимым в административном порядке правилам, касавшимся прежде всего личной телесности (ношение масок и перчаток, дезинфекция рук), а также складывались в новый ансамбль поведения в общественных местах.

Неудивительно, что центрами сопротивления этим мерам – в географическом и социальном разрезах – стали именно те, кто и раньше сопротивлялся «новому мировому порядку». От президентов Путина, Трампа и Болсонару (первые двое, впрочем, вскоре пошли на попятную, осознав масштабы проблемы) до консервативных в религиозном отношении групп и целых регионов (как, например, Саксония в Германии). Сопротивление наступлению на «свободу» – как это быстро было сформулировано еще в середине 2020 года – не стоило особенно дорого. За него практически не надо было платить: агитация или выходы на площади обходились бесплатно. Лишь в начале 2022-го против активных организаторов антиковидных протестов повсеместно начали возбуждать уголовные и административные дела и правоохранительные органы всерьез занялись их деятельностью (например в Германии, Канаде и Украине). В России, правда, это сделали на год раньше, но только в отно-

шении одной из подобных групп – общины Средне-Уральского монастыря под руководством схиигумена Сергия (Романова). В результате он оказался за решеткой за свои антигосударственные и радикально-ксенофобские видеообращения.

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ И МЕР СО СТОРОНЫ ВЛАСТИ, РАСКОЛ В МЕДИЦИНСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Деятельность «отрицателей» во многом опиралась на массовое раздражение населения не только строгостью мер, предпринимаемых властями, но и их непоследовательностью. Изначально эпидемиологи (и власти многих государств) предупреждали, что, подобно прежним пандемиям подобного уровня опасности, новая продлится два года и количество переболевших составит более половины населения. Однако многие и сторонники и противники ограничительных мер оказались не готовы к тому, что меры не просто вводятся на этот период, но и окажутся эффективными лишь отчасти – более того, что они будут постепенно частично ужесточаться. По большому счету, в первые полгода пандемии никто публично не разъяснял, что вирус может мутировать, и что новые мутации будут охватывать новые группы населения, и что прививки не станут панацеей. Наоборот, активная агитация за прививки подразумевала, что, когда процент привившихся перейдет определенный порог (порядка 65–70% населения), пандемия утихнет. Как мы могли видеть, абсолютно никакие из этих прогнозов не оправдались и вакцинация, существенно смягчив последствия для заболевших, не остановила распространения новых штаммов вируса.

В течение двух лет власти, борясь с очередными волнами коронавируса, то вводили, то ослабляли защитные меры, создавая у многих наблюдателей впечатление, что государство не знает, что делает, или что оно просто не справляется со своими обязанностями в данной сфере. Это впечатление поддерживал очевидный раскол в среде медицинских работников и низовых представителей властей. Первый раз сомнения в необходимости антипандемических мер мне довелось прочесть у леволиберального немолодого гуманитария из центральной России, который, казалось бы, должен был быть сторонником мейнстримной интерпретации событий, однако его друг, тоже очень немолодой заслуженный врач-эпидемиолог, убедил его, что данная пандемия выглядит слабее, чем те, с которыми тому приходилось бороться в прошлом, а следовательно, делать тут ничего не надо. Вторым сомневающимся стал мой коллега

средних лет, с профессиональным медицинским образованием и опытом работы в малом бизнесе, который в течение нескольких месяцев потратил немало усилий, доказывая читателям своей страницы в социальной сети, что пандемия COVID-19 – это совсем не то, о чем говорят власти, а смертность от нее, согласно его вычислениям, не так велика. И, наконец, третий сигнал поступил от одного из московских родственников, которого его друг – врач-хирург в очень престижной московской клинике – настоятельно убеждал не прививаться «Спутником» или другими вакцинами, поскольку он сам и его коллеги не видели оснований им доверять. В России ситуация осложнялась тем, что российские вакцины, несмотря на активное их продвижение властями в мире и рекламу внутри страны, так и не получили международной аккредитации, а значит, со стороны части населения не выглядели вызывающими доверие.

НИКОЛАЙ МИТРОХИН
ПАНДЕМИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

В течение двух лет власти, борясь с очередными волнами коронавируса, то вводили, то ослабляли защитные меры, создавая у многих наблюдателей впечатление, что государство не знает, что делает, или что оно не справляется со своими обязанностями.

Феномен врачей (и медсестер) «отрицателей» остается достаточно распространенным. В *YouTube* и на специальных антиваксерских сетевых площадках можно найти уже десятки роликов, в которых медики (в основном из младшего и среднего медицинского персонала) настоятельно рекомендуют не прививаться. Аналогичный раскол наблюдается и во властной среде.

Российский бард Семен Слепаков в своем клипе «Или нет», опубликованном в начале 2022 года, описал эту ситуацию с позиции рядового охранника мэрии, которому мэр громко советует привиться, а идущий за ним заммэра шепотом настоятельно не рекомендует этого делать. После чего охранник вспоминает всю непоследовательность властей в отношении вакцинации и введения санкций против невакцинированных – и остается в недоумении, как же ему поступать.

Доступ к медицинской или квазимедицинской АЛЬТЕРНАТИВЕ, В КОТОРУЮ ВЕРИШЬ

Раскол в рядах официальной медицины и доверие к перебежчикам на сторону «отрицателей» является частью общего конфликта альтернативных медицинских практик с институализи-

рованной системой здравоохранения, поддерживаемой и спонсируемой государством. В Европе и Северной Америке альтернативные системы лечения, направленные на «щадящий» режим выздоровления и использующие «природные силы» и «энергию», получили свое развитие с 1910–1920-х в рамках антропософской медицины, связанной с именем Рудольфа Штайнера. Особую популярность она имела в германоязычных странах (особенно в альпийском регионе) и Скандинавии. Одно из подобных направлений, известное как «гомеопатия», получила распространение во всем мире. В 1960–1970-е по мере роста движения *New Age*, ставящего во главу угла поиски «новой духовности» и «возвращения» к природе, бурное развитие в западных странах получили и другие медицинские и околomedicalные практики – йога, акупунктура – и прочие, гораздо более экзотические методы. Все они основывались на «естественных», то есть существующих (или якобы существующих) в природе и народных традициях методах и веществах, ставя под сомнение «искусственные», созданные в рамках западной позитивистской медицины и фармакологии, подходы. Ненамеренные промахи и намеренные преступления больших фармакологических компаний, о которых стало известно в этот период, придавали этой аргументации убедительность. Активные сторонники альтернативной медицины довольно недоверчиво относятся к «бигфарме» (*big farma*) и ее новейшим, якобы еще недостаточно опробованным разработкам; для них стремительно разработанная и массово введенная в оборот вакцина (вакцины) была крайне подозрительна. Именно этим – «незаконченностью процесса апробации» и «неестественностью» – зачастую мотивируется отказ от вакцинации сторонников этих учений (с чем автору данной статьи пришлось столкнуться на примере некоторых его родственников в Германии). Видимо, здесь значительную роль играет еще тот факт, что подобные идеи популярны у образованных женщин с частичной, неполной занятостью, которым не надо ходить каждый день на работу (то же относится и к самозанятым).

В результате возникает определенный конфликт между общими правилами, которым должны подчиняться мужчины (и некоторые женщины), «вписанные в систему», работающие в средних, больших организациях, и женщинами, которым комфортно в своей кажущейся «несистемности» и «альтернативности». Особенно это проявляется в столь сложном и многоплановом аспекте, как забота о своем здоровье и здоровье своих детей.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР, КОТОРЫЕ СТРЕМЯТСЯ ОСЕДЛАТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

НИКОЛАЙ МИТРОХИН
ПАНДЕМИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

При наличии таких больших страт людей, не доверяющих официозу, ситуацией решили воспользоваться различные акторы. Социальные сети открывают миру миллионы новых лиц, жаждущих популярности, из них десятки тысяч смогли – пусть и на короткое время – обойти социальные границы, установленные официальными СМИ, и стать звездами. Пандемия открыла дорогу к популярности для активных домохозяек и медицинских сестер, свидетельствующих о темных манипуляциях врачей; бывших кинозвезд, которые таким образом получили шанс вернуть себе популярность; политиков и общественных деятелей второго ряда, которые, поддержав недовольных антиковидными мерами, обрели возможность пропагандировать и другие свои идеи. Фактически речь пошла о создании широкой консервативной коалиции, которая – на основе отрицания пандемии – могла бы дать бой «дивному новому миру» левой, и особенно леволиберальной, политики.

Антиваксеры видят себя членами «клуба для умных и свободных», описывают себя и своих единомышленников как контркультуру избранных, считая оппонентов полуграмотными, трясущимися от собственных страхов невротиками.

Все это привело к формированию новой идентичности, субкультуры протеста и его языка. Антиваксерское движение в русскоязычном мире сейчас активно формирует и продвигает новый язык с набором терминов, не нуждающихся в объяснении. В частности, там популярна риторика о «братьях», под которыми понимается любой единомышленник (возможно, даже не реальный, а предполагаемый), – классический термин, символизирующий единство агрессивных сообществ. Антиваксеры видят себя членами «клуба для умных и свободных», «не такими, как все», «не зомби», «непродавшимися». Они описывают себя и своих единомышленников как контркультуру избранных, считая оппонентов полуграмотными, трясущимися от собственных страхов невротиками.

Разумеется, при наличии подобного массового, но неформального движения находится множество малоизвестных широкой публике политиков, которые видят в данной ситуации шанс возглавить протест и выйти на более высокий уровень

политической карьеры – или восстановить свои прежние позиции. Более серьезными игроками являются политические организации, не получившие доступа в большую политику – обычно из-за своего радикализма. Они постоянно стремятся найти тему, которая позволила бы им мобилизовать более широкие группы поддержки. Пандемия подарила им этот шанс.

* * *

Как мы видим, скептические или антиваксерские настроения лишь частично опираются на страхи и фобии. Этот феномен имеет довольно очевидные социальные и политические корни и позволяет высветить те общественные страты, где влияние государства и общественно-политического мейнстрима, дискурса «больших СМИ» незначительно. Это важный урок для общества, здравомыслящих политиков и ответственных медиа. Будет печально, если они не сделают из него никаких выводов.